

DOI 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-84-101

УДК 069.4:39(575.4)

Валерия Александровна Прищепова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5945-6684
E-mail: vapr@kunstkamera.ru

Скотоводство у белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении в 1920-е годы (в коллекциях МАЭ РАН)

АННОТАЦИЯ. Обращение к музейным коллекциям, архивным и библиотечным источникам позволяет восстановить некогда забытые страницы истории Музея антропологии и этнографии, узнать новое о его коллекциях и деятельности собирателей. Участники Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР Э. Г. Гафферберг, Д. Д. Букинич, Г. К. Шульц, А. П. Булгаков и Г. Г. Гульбин в 1926–1929 гг. передали музею комплекс вещевых, иллюстративных и фотоколлекций о повседневном укладе жизни ираноязычных кочевников Туркмении — белуджей, хазарейцев и джемшидов. Из обширного блока полевых материалов выделяется группа научных источников по ведению хозяйства, которое у белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении в 1920-е гг. базировалось на кочевом скотоводстве и определяло все области жизни. Рассмотренные материалы о работе экспедиции свидетельствуют, что советские востоковеды-этнографы 1920-х гг. продолжали традиции отечественных исследователей в изучении культуры народов Средней Азии, выясняя ее своеобразие, самобытность и вклад в мировую культуру. Введение в научный оборот музейных предметов и архивных документов позволяет вспомнить и восстановить имена забытых и неизвестных собирателей, открыть новую страницу истории МАЭ, отечественного востоковедения и продолжить изучение кочевой культуры малоизвестных ираноязычных народов Туркмении 1920-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллекции, МАЭ, Туркменистан, экспедиция, фотографии, Кушкинский район, скотоводство, белуджи, джемшиды, хазарейцы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Прищепова В. А. Скотоводство у белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении в 1920-е годы (в коллекциях МАЭ РАН). *Кунсткамера*. 2025. 2 (28): 84–101. DOI: 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-84-101

Valeria Prishchepova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5945-6684
E-mail: vapr@kunstkamera.ru

Cattle Breeding Practices of the Baloch, Jamshidi and Hazara of Turkmenistan in the 1920s (in the Collections of the MAE RAS)

ABSTRACT. Turning to museum collections, archival and library sources allows recovering once forgotten pages of history of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE), learning new facts about its collections and initiatives of collectors. Between 1926 and 1929, the participants of the Central Asian Ethnological Expedition (CAEE) of the Academy of Sciences of the USSR, E. G. Gafferberg, D. D. Bukinich, G. K. Shultz, A. P. Bulgakov, and G. G. Gulbin handed over to the museum a set of material, illustrative and photographic collections on the daily life of Iranian-speaking nomads of Turkmenistan, the Baloch, Jamshidi and Hazara. From the extensive block of field materials, a set of scientific sources on the cattle breeding practices of these communities stands out. In the 1920s, in Turkmenistan the economy of the Baloch, Jamshidi and Hazara was based on nomadic animal husbandry, which determined all aspects of their life. The reviewed materials on the work of the expedition indicate that Soviet orientalists and ethnographers of the 1920s continued the traditions of Russian researchers in studying the culture of the peoples of Central Asia, clarifying its originality and contribution to world culture. The introduction of museum objects and archival documents into scientific circulation allows us to recall the names of forgotten and unknown collectors, to open a new page of the history of the MAE and domestic Oriental studies and to continue to study the nomadic culture of the little-known Iranian-speaking peoples of Turkmenistan of the 1920s.

KEY WORDS: collections, MAE, Turkmenistan, expedition, photographs, Kushkinsky District, cattle breeding, Baloch, Jamshidi, Hazara

FOR CITATION: Prishchepova V. Cattle Breeding Practices of the Baloch, Jamshidi and Hazara of Turkmenistan in the 1920s (in the Collections of the MAE RAS). *Kunstkamera*. 2025. 2 (28): 84–101. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-84-101

Обращение к музейным вещевым, иллюстративным и фотоколлекциям, архивным и библиотечным источникам позволяет заново открыть некогда забытые страницы истории Музея антропологии и этнографии (МАЭ), узнать новое о его фондах и деятельности собирателей, а также продолжить изучение коллекций.

Данная статья является продолжением серии публикаций по истории коллекций, которые МАЭ в 1920-е гг. передали участники Среднеазиатской этнологической экспедиции (САЭЭ) АН СССР, собиравшие материалы по традиционному быту ираноязычных кочевников Туркменистана — белуджей, хазарейцев и джемшидов (Rzehak, Pritschepowa 1994; Прищепова 1995; 2022; 2023; Прищепова, Жехак 1995). В ранее опубликованных работах впервые рассматриваются полевые материалы участников экспедиции, их дневники и другие сведения (папки с черновыми записями, рисунками и фотографиями), хранящиеся в Архиве МАЭ, а также вещевые, иллюстративные и фотографические коллекции. Литература, посвященная САЭЭ 1926–1929 гг., немногочисленна, различается по своей значимости и тематическому охвату, при этом пока отсутствует обобщенное сводное исследование о работе экспедиции (Прищепова 1995). Подробный обзор результатов работы САЭЭ осложняло отсутствие сведений о ряде исследователей, принимавших в ней участие.

Анализ материалов Архива МАЭ, музейной документации, коллекций, вещевых и фотографических, позволяет вспомнить забытых собирателей, а также открыть прежде неизвестные имена, восстановить факты и события второй половины 1920-х гг., увидев историю глазами очевидцев. Полевые дневники исследователей, которые хранятся в Архиве МАЭ, в сочетании с коллекциями помогают восстановить и описать уникальную скотоводческую культуру и традиции белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении.

Предлагаемая работа представляет собой попытку осветить одну из страниц истории отечественного востоковедения второй половины 1920-х гг. — деятельность участников САЭЭ — и способствует дальнейшей разработке темы формирования фондов музея по культуре и быту народов Средней Азии. Из обширного блока достоверных первоисточников, таких как экспедиционные материалы, к которым прежде не обращались исследователи, выделяется группа документов и коллекционных предметов, характеризующих ведение скотоводческого хозяйства иранскими народами Туркмении.

Руководителем комплексной САЭЭ был назначен академик В. В. Бартольд, но лишь формально. Этнографические исследования курировал лингвист, известный востоковед-иранист Иван Иванович Зарубин, ставший фактически начальником организованной МАЭ экспедиции, одной из первых в советское время. Участники САЭЭ под руководством И. И. Зарубина изучали различные стороны жизни и быта народов региона, их материальную и духовную культуру.

В 1927 г. одной из задач САЭЭ было выяснение мест расселения, численности и основных особенностей традиционной культуры малоизвестных иранских народов Туркмении — белуджей, джемшидов и хазарейцев (Отчет о деятельности 1928: 214–249). Первым этнографом, совершившим в этот полевой сезон поездку в Мервский округ, был И. И. Зарубин, который и опубликовал первые краткие сведения об этих народах (Зарубин 1925: 1; 1927).

В 1928–1929 гг. работа САЭЭ была направлена на дополнение и углубление собранных в 1927 г. сведений о белуджах, джемшидах и хазарейцах. С этой целью в 1928 г. члены экспедиции Эдит Густавовна Гафферберг и Дмитрий Демьянович Букинич работали в Кушкинском районе, собирая сведения преимущественно по материальной культуре джемшидов и хазарейцев. В Кушке у участников поездки возникли трудности: необходимо было соблюсти ряд формальностей, не обошлось и без ошибок, так как сложно заранее предусмотреть все ситуации, в том числе недоверие населения и специфику музейного собирательства. Детали своеобразного освоения премудростей полевой этнографической работы сохранились в дневниках Э. Г. Гафферберг, которые она вела аккуратно, отмечая каждую деталь и желая составить как можно более полную картину жизни изучаемого народа (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 14; Д. 178).

С целью более полного исследования джемшидов и хазарейцев и экономии времени Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букиничу пришлось порознь выезжать в разные селения. Гафферберг обследовала хазарейцев, стараясь зафиксировать все стороны жизни этого народа и приобрести предметы для музея. В ее отчетах встречаются в том числе данные об основных занятиях хазарейцев. Собирая сведения по какому-либо вопросу, Гафферберг указывала информанта, что не всегда делали другие исследователи в своих полевых материалах. Дневники Гафферберг читаются легко и с большим интересом. Пока Д. Д. Букинич работал в аулах джемшидов, Э. Г. Гафферберг продолжила фотосъемку и закупку коллекций для музея. Во время экспедиции сразу проводилась обработка коллекций: вещи нумеровали, составляли черновую опись, упаковывали и отправляли в музей. Фотоснимки проявляли на месте, на них также составлялась опись.

Экспедиционная поездка 1928 г. Букинича и Гафферберг была успешной. Они тщательно фиксировали основные элементы материальной культуры изучаемых народов. Особый интерес представлял хозяйственный быт. Они собрали значительную этнографическую коллекцию — около пятисот предметов, сделали более трехсот снимков, характеризующих занятия хазарейцев и джемшидов (коллекции МАЭ № 3802, 3801, 3854, 3855, 3921, 3931, 4401).

На основании полевых материалов по джемшидам и хазарейцам, жившим на территории СССР, Д. Д. Букинич написал фундаментальную работу, в которой уделил внимание исторической характеристике района и основному занятию населения — скотоводству (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 217). Особый интерес у этнографа вызвало одно из главных занятий изучаемых народов — овцеводство, которому в статье он отвел специальный раздел (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 427). На основе полевых исследований Д. Д. Букинич в 1932–1938 гг. написал работу «Кочевые иранцы Кушкинского района», которая хранится в Архиве МАЭ. Кроме рукописи, сохранились и подготовительные материалы к ней — папки с черновыми записями, рисунками и фотографиями по Кушкинскому району (Ф. К. I. Оп. 1. Д. 427; Оп. 1. Д. 424).

В полевой сезон с августа по декабрь 1929 г. в составе САЭЭ, продолжавшей обследование ираноязычных народов Туркмении под руководством И. И. Зарубина, кроме Э. Г. Гафферберг, работали Григорий Григорьевич Гульбин, Густав Карлович Шульц и А. П. Булгаков¹. Стационарные работы велись в белуджских и хазарейских поселениях в Мервском, Байрам-Алийском, Иолотанском и Серахском районах (Отчет о деятельности 1930: 303).

В 1929 г. Э. Г. Гафферберг продолжила работу по изучению кочевых ираноязычных народов, или, как их называли в те годы, племен. После окончания сбора полевых материалов она предполагала издать монографию «Материальное производство кочевых иранцев» и даже начала готовить к печати первую часть книги — «Скотоводческое хозяйство кочевых иранцев», которая должна была «представлять собой первую попытку в литературе монографического этнографического описания кочевых иранцев» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 7. Д. 32. Л. 2), о которых до тех пор не было опубликовано ни одной крупной работы, и потому книга имела бы большое научное значение. Однако эти планы Э. Г. Гафферберг не осуществила. Позднее в разные годы она опубликовала в ряде статей сведения о материалах и коллекциях, собранных во время экспедиций в Туркмению в 1928–1929 гг., которые до настоящего времени являются практически единственными исследованиями по этнографии джемшидов и хазарейцев (Гафферберг 1936; 1948; 1953).

Экспедиция 1929 г. для Г. К. Шульца, А. П. Булгакова и Г. Г. Гульбина стала продолжением изысканий И. И. Зарубина, проводившихся во время поездок в эти районы Туркмении с целью изучения белуджей. В дневниковых, довольно подробных, записях 1929 г. Шульца содержатся сведения почти обо всех аспектах жизни белуджей, в том числе о работе мужчин в скотоводческом хозяйстве. В письме И. И. Зарубину в октябре 1929 г. Шульц писал, что в ауле жил у богатого белуджа-скотовода, принявшего его «чрезвычайно любезно и всем рекомендующего... как своего сына» (АВИВР. Ф. 121. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–1 об.). Г. К. Шульцу даже дали мусульманское имя.

¹ Имя и отчество неизвестны, не удалось выявить материалы о жизни и деятельности этого участника экспедиции.

От участников экспедиции 1929 г. в МАЭ поступили две богатые коллекции (МАЭ № 3993, 4027), собранные у белуджей, переселившихся из Афганистана в Туркмению в 1923–1928 гг. Они содержат большое количество предметов, в настоящее время редко встречающихся или вовсе исчезнувших из быта белуджей Туркмении. Описание вещей, входивших в эти коллекции, в 1929 г. начал составлять собиратель Г. К. Шульц, а продолжила их регистрацию в 1971 г. Э. Г. Гафферберг, которая к тому времени в экспедиционных поездках 1959–1962 и 1967 гг. собрала материалы по культуре и быту белуджей. Впоследствии полевые материалы, собранные в ходе поездок к белуджам Туркмении, результаты изучения коллекций МАЭ по белуджам Туркмении и Ирана, а также данные научной литературы Гафферберг обобщила в монографии (Гафферберг 1969). Дополнением к вещевым коллекциям 1929 г. служат фотографии, сделанные тогда же (МАЭ № 4059, 4060, 4061).

В своей книге «Белуджи Туркменской ССР» Э. Г. Гафферберг писала об истории миграции ираноязычных кочевников: «Первые переселенцы-белуджи появляются в Туркестане, главным образом в южной его части, то есть в нынешней Туркмении, в конце XIX — начале XX в.» (Гафферберг 1969: 3). Постоянную миграцию исследовательница называла неустойчивой формой оседлости в пределах СССР, которая также была характерна для джемшидов и хазарейцев, живших в Российской империи еще до революции.

Д. Д. Букинич выделял разные причины постоянных передвижений кочевников из Афганистана на территорию СССР: вторжение иноземных завоевателей, недостаток пастбищных земель, тяжелое положение рядовых скотоводов, притеснения местных чиновников, а также частичное сохранение кочевых традиций. Ссылаясь на данные опроса, Букинич отмечал, что в первые советские годы, в период Гражданской войны, пользуясь слабостью нового правительства после отбития наступления белогвардейцев на Кушку, хазарейцы

под предводительством своих ханов грабили мирное население наравне с джемшидами. По мере укрепления советской власти предводители стали понимать рискованность своего занятия, и некоторые из них предложили свои услуги новому правительству в борьбе с басмачеством. Получив оружие, они, однако, перешли в Афганистан, где были арестованы. Вернувшись обратно... их вожди принесли повинную советской власти и были оставлены в районе ст. Комарово (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 7–8).

В 1923–1928 гг. произошло массовое переселение ираноязычных кочевников из Афганистана в Туркмению (с 1924 г. в Туркменскую ССР). Д. Д. Букинич называл переселение кочевых народов в 1920-е гг. обычной миграцией кочевников-скотоводов в поисках пастбищ. Они покидали родные места в Афганистане ради обилия кормов в малонаселенной пограничной полосе в районе реки Кушки. В частности, исследователь отмечал:

Если еще иметь в виду освобождение их от налогов как переселенцев, в то время как афганское правительство усиленно выкачивает недоимки даже за прошлые годы, то станет понятным то постоянное беспокойство, которое причиняется Погранохране самовольным переселением афганских кочевников в период иссякания кормовых ресурсов в пределах Афганистана (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 7).

Э. Г. Гафферберг в 1929 г. привела слова одного из информантов о непомерных налогах в Афганистане, где налог брали с каждого барана, даже если он издох: «Здесь сельхозналог им гораздо легче» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 29). Кочевники, кроме непосильных налогов в Афганистане, также жаловались на притеснения и беспощадные избиения. Так, Э. Г. Гафферберг в 1928 г. записала в полевом дневнике:

Один старик снял с ног обмотки и показал покрытые безобразными рубцами ноги. Это его избили за неуплату налога. Год он не мог ходить и сейчас ходит, едва переступая при помощи палки (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 42).

В 1928–1929 гг. подавляющее большинство кочевых иранцев расселились в Кушкинском пограничном районе Туркменской ССР. Все джемшиды были приписаны к Чемен-и-Бидскому аулсовету. По долине реки Кушки насчитывалось около пятисот семейств хазарейцев, поселившихся в разных местах. Численность переселенцев не была постоянной, поэтому точное количество кочевого населения осталось неизвестным.

В качестве примера неустойчивой оседлости белуджей Туркменистана в 1920-е гг. Э. Г. Гафферберг привела историю передвижений группы белуджей, состоявшей из более пятисот семей, которые переселились в 1928 г. В дальнейшем большинство из них вернулось в Афганистан, из оставшихся лишь часть объединилась в колхоз (Гафферберг 1960: 113). Даже в 1950-е гг. у белуджей сохранялась склонность к перемене мест. Во время беседы на эту тему с сотрудником Областного статистического управления города Мары Э. Г. Гафферберг записала в 1958 г. в полевом дневнике:

Белуджи донныне элемент довольно неустойчивый. Чуть что не понравится, поднимутся и всем скопом уйдут на другое место. Закон для них значения не имеет (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 691. Л. 3).

Местная советская администрация пробовала приучить белуджей к хлопководству:

Белуджи получают деньги, посеют хлопок и пшеницу на своих землях. Как только поспеет пшеница, уберут урожай, а хлопок дожидаться долго, и всем скопом уйдут, не дождавшись вызревания хлопка. И не получить с них ни хлопка, ни денег (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 691. Л. 9).

Г. К. Шульц также приводил данные Серакского районного статбюро на 1929 г. о неустойчивой оседлости и неустроенности жизни белуджей Туркмении, быстром изменении числа их хозяйств в селениях: «В районе было всего 883 белуджа... после ухода в конце февраля в Персию осталось там 10–12 хозяйств» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 169. Л. 611–612). В налоговых списках другого района отмечалось:

[За месяц] число белуджей увеличилось почти вдвое, к осени положение изменилось, около 30 хозяйств перекочевало из Науруз-абада в селение Хан-уз, а в Науруз-абад пришло несколько новых хозяйств из Персии (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 169. Л. 613).

Кочевое хозяйство белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении в 1920-е гг. базировалось на скотоводстве, которое определяло все области жизни. Важнейшими сельскохозяйственными животными были овцы и козы. В результате анализа географических условий, в которых проживали кушкинские кочевники, Д. Д. Букинич пришел к выводу, что основной и наиболее устойчивой отраслью сельского хозяйства для них было овцеводство:

Система хозяйства практиковалась обычная пастбищно-гулевая, по возможности без заготовок корма на зиму... овцеводы стараются возможно лучше использовать весеннее время и недалеки перекочевками, применяя иногда до 10 раз стоянки, стравляют дочиста все прилегающие к долине холмы и лощины (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 25).

Естественные покосы в долине реки Кушки считались нестабильными, по мнению Д. Д. Букинича, скотоводство, базировавшееся на кормах природных лугов, здесь никогда не играло большой роли:

Если овцеводство является отраслью, на которую приходится ориентироваться скотоводу, то и это занятие находится в сильной степени в зависимости от стихийных условий (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 11).

Большинство хозяйств кочевников-скотоводов содержало от пятидесяти до восьмидесяти овец и коз. Середняки существовали на доход от одного-двух десятков голов. «Из скота самую крупную роль играют овцы; овца является единицей определения имущественного положения белуджа», — записал в полевых дневниках в 1929 г. Г. К. Шульц (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 169. Л. 616). Основу питания иранских кочевников составляли продукты из овечьего молока, которое летом использовали в виде кисломолочной продукции, а зимой — в виде сыра и топленого масла. Нередки были семьи, например у джемшидов из Чемен-и-Бида, насчитывавшие более пяти человек, которые жили исключительно за счет содержания стада из десяти овец (АМАЭ РАН. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 17). Животноводство позволяло многим семьям обеспечивать себя самым необходимым. Значительные стада, численность которых доходила до сотен голов, имелись лишь у единичных хозяев или принадлежали двум-трем владельцам.

Д. Д. Букинич так описал «бедняцкое» существование:

Бедняк, имеющий один-два десятка овец, ни в какой мере не может обеспечить существование своей семье, как бы она ни была мала... разве только в летнее время он сравнительно еще сыт, питаюсь свежими молочными продуктами, в остальное же время он должен изыскивать какие-либо иные источники существования... оторванный от родины и не устроенный на чужбине (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 23).

В подтверждение своих сведений Д. Д. Букинич привел данные 1927 г., свидетельствующие, что у кушкинских кочевников на одно среднее хозяйство приходилось всего восемь голов скота. Из этого следовало, что одному едоку доставалось меньше двух голов. Для сравнения дохода на душу населения ученый обратился к аналогичным данным в казахском кочевом хозяйстве того же времени: так, в Казалинском уезде на одного едока приходилось 13 голов скота, а на одно хозяйство — 31 животное (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 26).

Главным центром расселения джемшидов стал аул Чемен-и-Бид, в котором находились их зимовки. По наблюдениям Э. Г. Гафферберг, сделанным в 1928 г., схема ежегодной миграции кочевников между местами зимнего и летнего выпаса была приблизительно такой: три месяца — в кишлаке, один месяц — около кишлака, остальное время — в горах (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Л. 41). Обычно начинали кочевать к летним пастбищам в середине февраля. В 1928 г. из-за плохой погоды перекочевка началась позже, перед приездом экспедиции (в 1928 г. САЭЭ работала с марта до 20 мая). На весенних стоянках овцеводы задерживались не более чем на полтора-два месяца. Летом джемшиды разделялись на небольшие группы и расселялись «по прилегающим к долине Кушки землям по радиусу приблизительно в 50 верст» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 15).

По словам одного из информантов Э. Г. Гафферберг, зимой 1928 г. произошел массовый падеж скота, главным образом баранов, из-за гололедицы и поздней весны, а также потому, что из Афганистана в поисках травы,

которой в последнем не было совсем, пришла масса кочевников-афганцев с многочисленными стадами. Ввиду этого уже осенью не хватало травы и бараны были сильно истощены. Так же и афганцы весной увели домой вместо тысячных гуртов по 100–200 голов скота (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 15).

По полевым наблюдениям Гафферберг, сделанным в 1928 г., овцеводы во время перекочевки покидали свои зимние лагеря, уходили от кишлака на новые места, часто перевоза жилища-палатки на повозках из-за отсутствия вьючных животных. Приблизительно через полтора месяца скотоводы переходили на другое пастбище. Кочевники задерживались на одном месте лишь в случае необходимости (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Л. 41).

Э. Г. Гафферберг удалось увидеть, как номады задержались, чтобы дожидаться завершения периода доения овец, который длился три месяца начиная с конца апреля: «Доить начали уже дней

Рис. 1. Доение овцы. Белуджи. Туркменистан, Марыйский вেলাят, Елетенский этрап, г. Елетень (Иолотань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-107
Fig. 1. Milking a sheep. Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-107

20 тому назад и будут доить, по словам жителей, еще месяца два» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 31). По наблюдениям Д. Д. Букинича, в среднем одна овца давала два стакана молока (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 54). Местные русские переселенцы-овцеводы считали доение овец малопродуктивным и не использовали их для получения молочных продуктов. По мнению членов САЭЭ, занятие овцеводством и переработкой его сырья придавало особый колорит быту кушкинских кочевников.

Фотографию «Доение овцы» (рис. 1) Г. К. Шульц и А. П. Булгаков сделали среди белуджей в 1929 г. У иранских кочевников Туркмении было распространено доение овец, которое считалось главным занятием, на что указывал в том числе набор специальной медной посуды для кипячения молока и его охлаждения при заготовке продуктов на зиму. В состав обширной вещевой коллекции, которую собиратели передали в МАЭ, вошло несколько чугунных и медных котлов для варки пищи и кипячения молока (МАЭ № 3993-143, 144, 147, 162, 173). По замечанию регистратора коллекции Г. К. Шульца, котлы для молока небольших размеров использовали бедняки, специальные большие котлы — богачи. Такой котел ставили на треножник над костром или ямкой-очагом. Готовили пищу и в чугунных фабричных круглых котлах, но всегда предпочитали медные, более дорогие и долговечные, особенно при перекочевках. Медные котлы имели сферическое дно, сужались кверху и были снабжены двумя парами ручек. Такие котлы могли быть разных размеров, нередко их диаметр достигал 1 метра и более (МАЭ № 3993-143, 147, 162, 173). По наблюдениям собирателя, в эти котлы сливали дневной удой овечьего и козьего молока, в них же молоко кипятили. Потом к остуженному добавляли несколько ложек кислого молока, чтобы заквасилось остальное, а затем приступали к производству масла и сыра. Белуджи сбивали масло и готовили сыр из кипяченого молока. Медные котлы использовали ежедневно только весной и в начале

лета — в период доения овец и коз. В остальное время года в этой посуде хранили сыр, зерно и другие продукты и готовили пищу на праздники. Для молока использовали также медные тазы с полукруглым дном, один из которых (МАЭ № 4035-83) в 1929 г. Г. Г. Гульбин и Э. Г. Гафферберг приобрели для музея у джемшидов Кушкинского района. По сообщениям собирателей, хазарейцы также готовили пищу и заквашивали молоко в такой посуде больших размеров. На одной из фотографий 1929 г. хазарейские женщины сидят на земле перед жилищем среди металлических котлов и тазов и кипятят молоко (МАЭ № 3921-15).

Поголовье овец разделялось по возрастным группам — на молодняк и взрослых животных: «Яловые и дойные пасутся вместе. Когда приходят доить, дойных ловят и привязывают, а яловые продолжают пастись» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Л. 44). Обычно маток ловили мужчины, а женщины занимались дойкой, при этом кто-либо из мужчин или детей придерживал овцу. Когда пастух в полдень подгонял к аулу овец, почти все принимали участие в дойке. Участники САЭЭ отмечали, что это было самым оживленным временем в жизни аула. После того как все овцы были подоены, к ним подпускали ягнят. Сосунки месячного возраста уже паслись в отдельном стаде и поручались особому пастуху или подпаску. Он издалека определял время окончания дойки и подгонял стадо молодняка к аулу.

Как отмечал Д. Д. Букинич, весна являлась такой же страдной порой в жизни кочевника-овцевода, как осень — в жизни земледельца: мужчины были заняты стрижкой овец, женщины — заготовкой молочных продуктов (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 48).

По наблюдениям Букинича, доение у всех кушкинских кочевников происходило двумя способами — на привязи (вдоль веревки с петлями для шеи овец) и из загонов, обнесенных изгородью из дерна или хвороста.

Рис. 2. Способ доения козы. Белуджи. Туркменистан, Марыйский велаят, Елетенский этрап, г. Елетень (Иолотань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-111
Fig. 2. Goat milking method. Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-111

Снимок «Доеение овец» дает представление о способе доения на привязи. Его удобство заключалось в том, что здесь не требовалось участия второго человека, придерживавшего животное (как, например, на рис. 2). Овцы располагались в два ряда головой друг к другу (МАЭ № 3921-56, 3888-47). Этот способ доения был распространен и у казахов. По мнению Д. Д. Букинича, доение из загонных «не представляло собой усовершенствованного способа», им пользовались в том случае, если нужно было выловить овцу (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 48).

У белуджей, не имевших постоянных весенних и летних стоянок, преимущественно практиковался способ доения на привязи, тогда как у хазарейцев преобладало доение из загонных, джемшиды пользовались и тем, и другим способами. На постоянных весенних стоянках сооружали более основательные загонные, в том числе для охраны по ночам от волков.

Снимок «Агал — загон для баранов, сложенный из дерна» Э. Г. Гафферберг сделала в 1929 г. у хазарейцев Тахта-Базарского района. Это оригинальное сооружение выглядит как произведение народной архитектуры, значительное по площади, прямоугольной формы. Оно производило впечатление крепкой постройки с высокими и толстыми стенами и башнями, аккуратно сложенными из крупных кирпичей. На самом деле стены этого загонного для баранов были сделаны из квадратных кусков дерна, замазанных глиной, и служили, вероятно, надежным укрытием для животных.

У всех трех групп ираноязычных кочевников преобладали овцы, которые по качеству шерсти разделялись на две категории — туркестанской или мейменской породы, отличавшейся рыжеватокоричневой шерстью, большими жирными курдюками. Они особенно подходили для производства мясной продукции. Кроме того, содержались белые, местами черно-пятнистые овцы афганской или белуджской породы с лучшей шерстью, но меньшими курдюками. Обе породы страдали от холодной, скудной на корм зимы, сухого лета Мургабского оазиса и плохо подходили для разведения в этом регионе. Треть стада составляли каракульские овцы (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 17–18).

В 1929 г. Г. К. Шульц отметил, что у белуджей, как и у других скотоводов, для каждой возрастной группы скота существовали особые названия: для овец до года, от года до двух лет, старше трех лет, для барана, козы, козла, верблюдицы, в том числе с верблюжонком, для верблюда, кобылы, жеребца (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 588).

В сфере своих изысканий Д. Д. Букинич включил вопрос о доходности овцеводства. Основываясь на таблице цен 1928 г. на одно семейство из пяти человек, ученый подсчитал капитальные вложения среднего хозяйства и пришел к выводу, что при благоприятных условиях можно ожидать прибыль от стада лишь в четыреста голов (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 28–32).

Главным сырьем овцеводства в Кушкинском районе была шерсть, качество которой зависело от времени стрижки — стригли овец два раза в год: весной и осенью. Весенняя стрижка происходила в апреле-мае. Ягнят начинали стричь с четырех-пяти месяцев, козлят и коз стригли один раз в год весной. Перед стрижкой овец мыли в реке или оросительном канале (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 35). Участники САЭЭ обратили внимание, что во время стрижки прибегали к помощи соседей: стригли всем аулом поочередно у каждого хозяина за угощение. «Никакими особыми обрядами стрижка не сопровождается. Просто собираются, стригут, едят» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Л. 41–42). На одной из фотографий запечатлено, как хазареец стрижет лежащую на земле овцу (МАЭ № 3931-10).

Яркой иллюстрацией (несмотря на низкое качество снимка) того, как хазарейцы стригли овец всем аулом, является кадр «Стрижка овец». На нем показано, как мужчины в белых чалмах, белых рубашках и жилетках массово стригут баранов, лежащих на земле. Каждый мужчина стриг одно животное. Рядом складывали ворох шерсти. Хазарейцы, склонившиеся над лежащей на земле овцой, располагались на небольшом расстоянии друг от друга в одну линию, которая, изгибаясь, составляла как бы огромный круг. Обычно при стрижке сначала старинными ножницами снимали цельное руно, его внутреннюю сторону тут же подсушивали на солнце, затем скручивали в жгуты и отправляли в мешки. После этого мешки складывали в штабеля где-либо в жилище до отправки

на склад. Это была самая страдная пора в жизни овцеводов, когда одновременно выполнялись стрижка и заготовка молочных продуктов на зиму. Богачи в совместной стрижке овец не участвовали, а нанимали бедняков. В 1928 г. Э. Г. Гафферберг сфотографировала огромную гору необработанной шерсти, которая возвышалась над юртой-*чантари* хазарейцев, стоявшей рядом (МАЭ № 3921-41).

В вещевую коллекцию по белуджам 1929 г. в число предметов, имевших отношение к животноводству (веревка пастуха, веревка с петлями для привязывания молодняка, бубенчик для барана, торба для лошади, корзина для кормления овец, приколы для лошади и осла и пр.), Г. К. Шульц включил старинные ножницы кустарной кузнечной работы для стрижки овец и коз, имевшие хитроумную конструкцию. Ножницы состояли из длинных ножей и железной ручки. Регистратор и собиратель коллекции в описи подробно описал сложный способ стрижки животного (обычно мужчинами) с использованием этого инструмента (МАЭ № 3993-258а, б, в).

Д. Д. Букинич привел показывавшие небольшой товарный выход данные закупки шерсти за 1927 г. от хозяйств, занимавшихся преимущественно овцеводством. Часть шерсти сдавали в кооперацию, большая доля шла на внутренние нужды семьи, о чем свидетельствовал перечень изделий кустарного изготовления в хозяйстве середняка (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 27–29). Значительное количество шерсти у кочевников уходило на производство войлочного жилища, которое в среднем необходимо было обновлять каждые лет пять.

Овцеводство и у джемшидов, и [у] хазар в общем носит потребительский характер. Шерсти едва хватает, чтобы не довести до полного изнашивания войлочное жилище (амортизация его при частых переменах стоянок не более 6–8 лет), чтобы удовлетворить насущные нужды в таре (*джувалы*), в зимней одежде. Поэтому изготовлением ковров и палацов на рынок занимаются мало. Даже среди хазар коврики собственного производства большая редкость, и они продаются лишь в крайней нужде. Джемшиды же иногда сами покупают ковры у белуджей. Ткут большей частью небольшие палацы, и опять-таки для нужд хозяйства (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 39–40).

Круглогодичное пастбищное содержание овец на практике означало, что животные постоянно, независимо от времени года и погоды, находились на пустынных выпасах и, как правило, не нуждались в стойловом содержании. По выражению Д. Д. Букинича, овцы в Кушкинском районе не знали хлева, в то время как у местных русских крестьян-переселенцев овцы зимой жили в сараях, но после выхода в поле весной часто простужались. Для новорожденных ягнят и козлят кушкинские кочевники рыли особые ямы, покрытые дерном. У богатых по мере того, как большое стадо ягнилось, приплод переводили в маленькие загоны, огражденные наружные ягнятники (рис. 3, 4) (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 26–31).

Большое внимание исследователи кушкинских кочевников уделили изучению деятельности пастуха, важной фигуры в жизни скотоводов. Г. К. Шульц подчеркивал, что в зависимости от того, какой скот (овец, коз, верблюдов и коров) пасли пастух и его помощник, их называли по-разному. Пастух мелкого рогатого скота, помимо подпаса, имел одну или несколько собак, которые играли важную роль, определяемую величиной стада. Роль, видимо, увеличивалась вместе с количеством собак для большего стада. Пастухам верблюдов и коров подручный чаще всего не полагался (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 590).

Величина стада овец и коз колебалась от пятисот до полутора тысяч голов. Чтобы следить за ними, пастух и подпасок передвигались на ослах. Опытные чабаны-пастухи хорошо справлялись с отарой овец, знали особенности их поведения в разные сезоны и время суток. Когда пастух ложился спать, он привязывал веревку одним концом к своему животу, а другим — к барану. Таким образом его будили, когда стадо начинало разбегаться (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 591). Таковую веревку, позволявшую «не проспать» стадо, чабан делал самостоятельно. Г. К. Шульц приобрел ее для МАЭ в 1929 г. (МАЭ № 3993-256).

Рис. 3. Овцы и козы внутри шатра. Белуджи. Туркменистан, Марыйский вেলাят, Елетенский этрап, г. Елетень (Иолотань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-103

Fig. 3. Sheep and goats inside a tent. Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-103

Рис. 4. Овцы под особым навесом, сделанным из столбов и колючки и ивовых бердан. Белуджи. Туркменистан, Марыйский вেলাят, Елетенский этрап, г. Елетень (Иолотань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-101

Fig. 4. Sheep under a special canopy made of poles and barbwire and willow berdans. Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-101

Весной, когда овцы ягнились, скот каждый день пригоняли к дому. Когда же доение прекращали, пастухи постоянно находились со стадом и лишь по мере надобности (за хлебом или чтобы сменить одежду) появлялись в селении. Чаще приходил помощник пастуха мелкого скота, в обязанности которого входила доставка провизии.

При общественном содержании пастуха всем аулом (*махалля*) оплата его труда производилась натурой. Д. Д. Букинич называл плату за пастбу стада главной статьёй расходов в овцеводстве. Богатые овцеводы, джемшиды и хазарейцы, имевшие собственных наемных пастухов, встречались редко. Наиболее распространено было содержание чабана двумя-тремя хозяйствами (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 30). За год работы пастух получал оплату весной, когда ягнились овцы, — 10 % от приплода, то есть одного ягненка с каждого из родившегося десятка. Из 10 % приплода пастух обычно получал половину ягнят маток и половину самцов в возрасте до одного года. Кроме этого, ему выдавали деньги на сапоги, 25–30 рублей, и шерстяной кошемный халат или белую овечью шерсть на его изготовление. Э. Г. Гафферберг сообщала, что у хазарейцев пастух каждые полгода получал новую одежду, кроме чалмы (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Л. 44), подпасок — половину того, что выдавали пастуху. Д. Д. Букинич даже составил таблицу доходов и расходов, чтобы определить, при каком количестве голов оправдывалось содержание пастуха.

Хозяин стада был обязан кормить пастуха и подпаска. Им выдавали столько хлеба, сколько они могли съесть, приблизительно из расчета два фунта на человека в день (меньше 0,5 кг) (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 592). Когда стадо паслось поблизости от населенного пункта, им давали готовый печеный хлеб. Если стадо находилось далеко от селения, то выдавали муку, а пастухи сами пекли лепешки на большом круглом плоском листе, своего рода сковороде. Ее накаляли на костре, затем на нее клали тонко раскатанное тесто и ставили на угли костра. Через несколько минут хлеб был готов. Муку собирали с каждого хозяина пропорционально количеству голов в стаде, приблизительно 7,5 пуда (около 123 кг) муки в месяц (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Л. 44).

Иногда зимой, когда выпадал глубокий снег или во время сильного дождя, которые мешали печь в тандырах на улице, белуджи выпекали хлеб на костре в шатре-*гедане*, используя листовую сковороду (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 593). По сведениям Г. К. Шульца, когда в доме не было такой сковороды, а из-за осадков нельзя было печь в тандыре, белуджи пекли лепешки на раскаленном камне.

Г. К. Шульц, записывая сведения об оплате работы местных пастухов, обратил внимание на необычный способ выпекания белуджами сдобного хлеба, чтобы он получился «как из духовки»:

Сдобный хлеб, так называемый *kalibi nan*, белуджи пекут в медных кастрюлях с крышкой. Кастрюля ставится на угли в костре, а на крышке разводят сперва огонь при помощи хвороста, а затем кладут кизяк; таким образом на медленном огне печется сдобная булка. Кастрюля заменяет собою духовку (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 594).

Возвращаясь к вопросу оплаты труда пастуха, следует сказать, что, согласно полевым записям Г. К. Шульца, масло ему выдавали редко, зато он мог пить молоко овец и коз, сколько хочет. Мясо он получал только в том случае, если в степи заболела овца или коза и ее нельзя было вылечить или пригнать домой. В таком случае пастух резал ее, сообщал об этом хозяину и до его приезда пользовался мясом:

В доказательство того, что была им зарезана скотина хозяина, а не его собственная, он хранит у себя уши этой скотины, которые потом предъявляет при подсчете скота хозяину как доказательства (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 595).

Каждый владелец животных использовал собственные ушные бирки.

Зимой, когда у пастуха не было своего жилища, он жил в шатре-*гедане* владельца стада, которое он пас, принимая участие в трапезах и разговорах на равных. Работа пастуха мелкого

скота считалась престижной, менее почетным было занятие помощника пастуха. Ими становились преимущественно или совсем молодые белуджи, или не имевшие своего дома и родственных связей в данном селении.

Еще менее почетным и выгодным считалось занятие пастуха верблюдов, а после него шел подпасок лет пятнадцати-шестнадцати. Они каждое утро выгоняли верблюдов в поле и каждый вечер возвращались с ними домой. Стада верблюдов не были многочисленными (рис. 5, 6), редко достигая двух-трех десятков голов (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 596). Верблюд использовался кушкинскими иранцами только как выючное животное. На одном из снимков, сделанных в 1928 г., запечатлено стадо верблюдов — четыре пасущихся животных, которых сопровождал мальчик-чабан (МАЭ № 3888-52).

Оплата труда пастуха верблюдов производилась также натурой. По сообщениям Г. К. Шульца, он получал в год с каждой головы по одному ягненку-самцу:

Ягненок-самка дается только за верблюда, принесшего в данном году приплод, а так как верблюды плодят медленно, то и плата их пастуху чаще всего бывает ягнятами-самцами (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Л. 597).

По мнению Д. Д. Букинича, верблюдоводство не получило распространения среди кочевников из-за географических условий:

Степной состав растительности, незначительные площади под пустынными кустарниками позволяли разводить верблюдов в некоторых районах лишь для целей перекочек (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 11).

В 1929 г. Г. К. Шульц и А. П. Булгаков приобрели для МАЭ комплект нарядного убранства для верблюда: ошейники из полосок ковровой ткани, уздечку, налобник, головное украшение, на-

Рис. 5. Стадо верблюдов на пастбище. Белуджи. Туркменистан, Марыйский велаят, Елетенский этрап, г. Елетень (Йолотань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-91

Fig. 5. Camel herd on pasture. Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-91

Рис. 6. Верблюд с навьюченным «геданом» (лежит). Белуджи. Туркменистан, Марыйский велаят, Елетенский этрап, г. Елетень (Иологань). 1929. Фотография А. П. Булгакова, Г. К. Шульца. МАЭ № 4060-366

Fig. 6. Camel with loaded 'gedan' tent (lying down). Baloch. Turkmenistan, Mary Province, Ýolöten District, Ýolöten (Iolotan). 1929. Photo by A. P. Bulgakov, G. K. Shultz. MAE No. 4060-366

коленники, повязку-амулет на шею верблюда (МАЭ № 3993-230–237, 240, 250). По сообщению собирателей, белуджи любили пышно украшать верблюдов во время свадебной процессии. Богато украшали шею и голову животного: на шею одевали 2–3 ковровых ошейника, к ним крепилось надголовное украшение с бубенчиками; на передние ноги — наколенники, седло покрывали ковром или паласом. Ковровые ошейники часто надевали на середину длинной шеи верблюда не только по торжественным случаям, но и когда, например, белудж ехал в гости в соседнее село или во время перекочевков, особенно дальних, — верблюда украшали как во время свадьбы. Белуджи переезжали караваном и особо пышно украшали головное животное. В набор верблюжьих украшений джемшидов, приобретенных Г. Г. Гульбиным и Э. Г. Гафферберг, вошли надголовное украшение, богато украшенное, обвитое кистями и погремушками, и ошейник в виде широкой шерстяной тесьмы с геометрическим орнаментом (МАЭ № 4035-35–37).

В своих полевых исследованиях Д. Д. Букинич уделял особое внимание состоянию местного коневодства. Он отмечал, что лошадь кочевнику была необходима, но редко выступала показателем престижа. Из-за недостатка корма ее мог иметь лишь зажиточный хозяин.

Д. Д. Букинич обратил внимание на распространение у джемшидов и хазарейцев именно скаковой лошади и их увлечение скачками, без которых не обходилась ни одна свадьба. Но при этом, как отмечал исследователь, «хороших скаковых лошадей не имеют, тем более породистых ахалтекинских (которых, впрочем, в настоящее время осталось во всей Туркмении не более тысячи голов)» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 11). Исследователь с увлечением рассуждал о таком специальном вопросе, как возможность разведения верхового джемшидского скакового коня, который, как он считал, «является особой разновидностью ахалтекина и совмещает качества и скаковой, и ездовой лошади наподобие иомудского аргамака» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 11).

Фотографию «Лошадь у кормушки» Д. Д. Букинич прокомментировал следующим образом: содержалось животное «в довольно жестких условиях, и не всякий хозяин имеет для нее хорошее стойло» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 15). Скакун у дворовой кормушки, укутанный попонами от паразитов, а также от жары в летнее время и ненастья зимой, требовал особой заботы:

В условиях жаркого климата хорошую породистую лошадь можно содержать только в стойлах на твердых кормах (на зерне). Получившая известность ахалтекинская скаковая лошадь также стойловая [,] как и арабская (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 15).

На снимке «Скаковая лошадь» на фоне степного пейзажа изображен джигит Ходжа-Нияз, джемшид рода бели, восседающий на худосочной тонконогой лошади. Автор кадра так прокомментировал изображение: «Лучшие скаковые лошади, каких приходилось видеть у джемшидов, имели довольно жиденький вид» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 15). Собиратель считал, что климатические условия района вполне подходили для разведения текина, ссылаясь на опыт соседнего Серакского района: «Если бы при организации кормовой базы для овцеводства можно было бы получить требуемое количество твердых кормов и люцерны» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 16).

Кочевники Кушкинского района практически не держали коров. Суровой зимой или в гололедицу крупный скот погибал в первую очередь. Д. Д. Букинич с сожалением отмечал, что участникам экспедиции «ни разу не пришлось добыть себе коровьего молока в аулах пришлого населения» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 16). По наблюдениям К. Г. Шульца, «коровы принадлежали почти исключительно нескольким персидским семействам, которые жили в Наурузабаде вместе с белуджами» (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 169. Л. 617).

Согласно сведениям, собранным Э. Г. Гафферберг, в 1928 г. в Кушкинском районе средний состав стада включал десять овец, двух верблюдов, одну лошадь, одного ослика, половину быка и двух собак (АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Л. 27).

В 1929 г. члены САЭЭ собрали ценные в научном отношении этнографические коллекции и сделали уникальные фотоснимки. В области этнографии белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении полевые сборы стали продолжением изучения материальной, социальной и духовной культуры этих народов в предыдущие годы. Полевые материалы САЭЭ 1920-х гг. хранят свидетельства самобытной традиционной культуры иранских кочевников Туркменистана, выживавших на скудных пастбищах благодаря постоянным передвижениям. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Мургабского оазиса сберегли старинные пастушеские традиции, которые проявлялись, в частности, в рытье ям-загонов для ягнят, привязывании овец веревкой к пастуху и комплексе навыков круглогодичного выпаса овец на подножном корме.

В 1928–1929 гг., то есть непосредственно после переселения белуджей, джемшидов и хазарейцев из Афганистана в Туркмению, участники САЭЭ воочию наблюдали кочевую жизнь кушкинских скотоводов и собрали для МАЭ уникальные коллекции предметов, характеризовавших их быт и в настоящее время вышедших из употребления. В музее также сохранилось большое количество фотографий того же периода. На протяжении XX в. иранские кочевники Туркмении учились земледелию, становились оседлыми, а численность скотоводческих кочевых хозяйств постепенно сокращалась.

Рассмотренные материалы о работе САЭЭ свидетельствуют, что первые советские востоковеды-этнографы 1920-х гг. продолжали традиции отечественных исследователей в изучении культуры народов Средней Азии, выясняя ее своеобразие, самобытность и вклад в мировую культуру. Введение в научный оборот музейных предметов и архивных документов позволяет вспомнить и восстановить имена забытых и неизвестных собирателей, открыть новую страницу истории МАЭ, отечественного востоковедения и продолжить изучение кочевой культуры малоизвестных ираноязычных народов Туркмении 1920-х гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИВР — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
 АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
 САЭЭ — Среднеазиатская этнологическая экспедиция Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АВИВР. Ф. 121. Оп. 1. Д. 476.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 424. Букинич Д. Д. «Иранцы кочевники Кушкинского района». Машинопись с авторской и редакторской правкой. 1932–1938.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 1. Д. 427. Букинич Д. Д. «Овцеводство как основное занятие, характеризующее бытовые формы». Машинопись. 1932–1938.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 167. Шульц Г. К. О материальной жизни белуджей Туркмении. Полевые записи. Продолжение. 1929.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 169. Шульц Г. К. О материальной жизни белуджей Туркмении. Полевые записи. Продолжение. 1929.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 174. Гафферберг Э. Г. О материальной культуре джемшидов и хазара. Туркмения. Полевые записи. Продолжение. 1928.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 177. Гафферберг Э. Г. О материальной культуре джемшидов и хазара. Туркмения. Полевые записи. Продолжение. 1928.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 178. Гафферберг Э. Г. О материальной культуре джемшидов и хазара. Туркмения. Полевые записи. Продолжение. 1928.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 217. Букинич В. Д. «Пришлое население из Афганистана по долине реки Кушки. Естественно-историческая часть и земледелие. Отчет по обследованию джемшидов и хазара в пределах СССР». Машинопись. 1928.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. Д. 691. Гафферберг Э. Г. Белуджский отряд Среднеазиатской экспедиции. Полевые записи. 1958.
 АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 7. Д. 32. Личное дело Э. Г. Гафферберг.
- Гафферберг Э. Г.* Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ // Советская этнография. 1936. № 1. С. 81–105.
Гафферберг Э. Г. Жилище джемшидов Кушкинского района // Советская этнография. 1948. № 4. С. 124–143.
Гафферберг Э. Г. Хазарейская юрта ханаи хырга (К вопросу об истории кочевого жилища) // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи] / отв. ред. С. П. Толстов. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 72–92. (Сборник МАЭ; т. 14).
Гафферберг Э. Г. Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. // Советская этнография. 1960. № 1. С. 112–125.
Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л.: Наука, 1969. 238 с.
Зарубин И. И. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан: приложение к протоколу XVI заседания ОИФ АН СССР 2 декабря 1925 г. // Протоколы заседания Отделения истории и филологии АН СССР. Л.: [б. и.], 1925. С. 2–4.
Зарубин И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. // Известия АН СССР. Сер. VI. 1927. № 5–6. С. 351–360.
 Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. / сост. А. Е. Ферсман: в 2 ч. Л.: [б. и.], 1928. Ч. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. 266 с.
 Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г. / сост. В. Л. Комаров: в 2 ч. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Ч. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. 336 с.
Прищепова В. А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 186–249.

Прищепова В. А., Жехак Л. Г. Кочевой быт. У стен древнего Мерва: белуджи, джемшиды, хазарейцы // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1995. Вып. 7. С. 249–255.

Прищепова В. А. Традиционная мужская одежда белуджей, хазарейцев и джемшидов Туркмении 1920-х годов в коллекциях Музея антропологии и этнографии // Кунсткамера. 2022. № 3 (17). С. 31–49.

Прищепова В. А. Традиционная женская одежда белуджей, джемшидов и хазарейцев Туркмении 1920-х годов в коллекциях МАЭ РАН // Кунсткамера. 2023. № 3 (21). С. 99–117.

Rzehak L., Pristschepowa W. A. *Nomadenalltag vor den Toren von Merw. Belutschen, Dschamschedi, Hazara.* Dresden: Museum für Völkerkunde, 1994. 102 S.

REFERENCES

Gafferberg E. G. [Forms of marriage and wedding ceremonies among the Jemshids and Khezars]. *Sovetskaia Etnografia*, 1936, no. 1, pp. 81–105. (In Russian).

Gafferberg E. G. [Dwelling of the Djemshids of the Kushkinsky District]. *Sovetskaia Etnografia*, 1948, no. 4, pp. 122–143. (In Russian).

Gafferberg E. G. [Hazara yurt khanai khyrga (On the issue of the history of nomadic dwelling)]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, vol. 14, pp. 72–92. (In Russian).

Gafferberg E. G. [A trip to the Baluchs of Turkmenistan in 1958]. *Sovetskaia Etnografia*, 1960, no. 1, pp. 111–125. (In Russian).

Gafferberg E. G. *Beludzhi Turkmenskoi SSR. Ocherki khozyaystva, material'noy kul'tury i byta* [The Baloch of the Turkmen SSR. Essays on economy, material culture and everyday life]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 238 p. (In Russian).

Prishchepova V. A. [To the ethnography of the Central Asian and Kazakh peoples: Materials of the Central Asian ethnological expedition of the USSR Academy of Science 1926–1929 (according to archival data)]. *Etnicheskaya i etnosotsial'naya istoriya narodov Kavkaza, Sredney Azii i Kazakhstana* [Ethnic and ethnosocial history of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan peoples]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 1995, pp. 186–249. (In Russian).

Prishchepova V. A. [Traditional men's Clothing of the Baloch, Hazaras and Jamshidi of Turkmenistan in the Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Kunstkamera*, 2022, no. 3 (17), pp. 31–49. (In Russian).

Prishchepova V. A. [Traditional women's clothing of the beludzhi, dzhemshidov and khazara of Turkmenistan of the 1920s in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Kunstkamera*, 2023, no. 3 (21), pp. 99–117. (In Russian).

Prishchepova V. A., Zhekhak L. G. [Nomadic life. At the Walls of Ancient Merv: Baloch, Jemshids, Khazaras]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic Notebooks], 1995, iss. 7, pp. 249–255. (In Russian).

Rzehak L., Pristschepowa W. A. *Nomadenalltag vor den Toren von Merw. Belutschen, Dschamschedi, Hazara.* Dresden: Museum für Völkerkunde, 1994, 102 s. (In German).

Zarubin I. I. [Ethnological tasks of the expedition to Tajikistan: Appendix to the minutes of the XVI meeting of the department of historical sciences and philology of the USSR Academy of Sciences of December 2, 1925]. *Protokoly zasedaniya Otdeleniya istorii i filologii AN SSSR* [Minutes of the meeting of the Department of History and Philology of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad: S. n., 1925, pp. 2–4. (In Russian).

Zarubin I. I. [Report on ethnological works in Central Asia in the summer of 1926]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. VI.* [News of the Russian Academy of Sciences. Ser. 6], 1927, no. 5–6, pp. 351–360. (In Russian).

Submitted: 10.10.2024

Accepted: 24.04.2025

Published: 10.07.2025